
Б. Н. Алмазов

Стихотворения Эраста Благодного

В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный
Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря гул густой,
Иль шепот речки тихоструйной
А. Пушкин

Содержание

Перечень открытий и замечательнейших событий в литературном, ученом и промышленном мире с 1837 года до нашего времени. — О влиянии петербургских журналов на вкус публики. — Пушкин, Лермонтов, Зотов, Бутков, Некрасов и Станицкий, Зряхов и Кузмичев. — Новый Поэт и Эраст Благодного

Покойный А. С. Пушкин мне говаривал: «Эраст! тебя не поймут. Тебе не вкусить сладких восторгов, доставляемых нам славой: ты пройдешь не замеченный современниками, а суд потомства до тебя не дойдет: ты будешь уже в глубокой могиле, когда наконец поймут тебя и оценят по достоинству твои стихотворения. Лучше не печатай их при своей жизни — лучше завеща́й их потомству: твои правнуки напечатают их в большом количестве экземпляров и, верно, никогда тебя не забудут. Да, Эраст, тебя нескоро поймут! Исчезнут поколения, падут царства, народы сотрутся с лица земли, и, несмотря на это, тебя все-таки еще не поймут». Так говаривал мне Пушкин, и говаривал всегда, когда я ему приносил какое-нибудь новое произведение моего даровитого пера. Я обыкновенно с покорностью выслушивал такие замечания великого поэта и благодарил его за сочувствие и участие. Однажды (это было уже осенью) прочитал я ему большую поэму в описательном роде под заглавием «Путешественник по Испании, или Бой быков». Пушкин пришел в восторг от этой поэмы; он заплакал, обнял меня и воскликнул: «нет, Эраст, тебя не поймут!»

— Послушай, Пушкин, — сказал я ему, — ты ошибаешься и впадаешь в крайность. Ты предубежден против нашей публики. Поверь мне, публика понимает, что хорошо и что дурно.

— Нет! тысячу раз нет, — воскликнул великий поэт, — если б публика знала, что хорошо и что дурно, она поняла бы и оценила мои последние произведения; она бы не говорила, что мой «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Руслан и Людмила», «Братья-разбойники» и другие мои юношеские попытки выше «Бориса Годунова», «Моцарта и Сальери», «Скупого рыцаря» и других вдохновенных созданий моего уже созревшего гения. Если б публика понимала, что дурно, что хорошо, то критика не осмелилась бы сказать, что я отстал от века. Прошло много времени

с тех пор, как я слышал это от Пушкина. Много воды утекло с тех пор; много совершилось великих событий в области литературы, науки и искусства; много явилось новых знаменитостей; много затмилось старых; много поблекло и облетело лавровых венков, много терновых обратилось в лавровые, и обратно. Имя Диккенса прогремело по всей Европе; вышел «Герой нашего времени» Лермонтова, вышли «Мертвые души» Гоголя, вышла хрестоматия г. Галахова; открыто действие серного эфира, усыпляющего больного при операциях; изобретена огнестрельная вата; г. Боткин совершил, наконец, сам путешествие по Испании и описал его с большим чувством; вышла одна неслыханно замечательная статья, которая открывает совершенно новое и доказывает всем ученым, что они глубоко ошибались; была всемирная выставка в Лондоне, о чем неоднократно извещали в «Московских ведомостях»; публика с удовольствием прочла «Мертвое озеро» и «Старый дом» на страницах тех журналов, которые прежде очень невыгодно отзывались о такого рода произведениях и отличались литературной нетерпимостью. Вообще в литературном мире произошло много переворотов. Между тем как вокруг меня то и дело появлялись новые литературные знаменитости, я оставался в совершенной неизвестности. Мне стало завидно. Мне стало прискорбно видеть столько литературных известностей, пользующихся незаслуженной славой, между тем как свет и не подозревает о существовании моих стихотворений, написанных мной в молодости. Зависть и желание выказать свой поэтический талант до того было овладели мной, что я, увлеченный примером одного русского поэта, чуть не напечатал собрание своих стихотворений, но меня удержало нижеследующее обстоятельство. У нас в России ныне никак нельзя печатать стихов. Стихи всевозможными средствами и самыми разнообразными путями преследуются нашими толстыми и прекрасными журналами. Такое нерасположение к поэзии есть исключительная принадлежность наших журналов. Во всех образованных странах Европы печатаются и читаются стихи и журналы выказывают к ним сочувствие. Но у нас это бывает совсем иначе. У нас позволено писать прозу: в прозе вы можете писать какие вам угодно пошлости, и будьте уверены, что, как бы вы плохо ни написали, петербургские журналы примут с благодарностью на свои страницы ваше произведение. Но избави вас бог написать или — что еще опаснее — напечатать ваше стихотворение: стихотворение ваше будет встречено самыми строгими, мелочными придирками; вас поднимут на смех, назовут даже, пожалуй, *поэтом*, а выражение «поэт» с некоторого времени употребляется нашими журналами как бранное слово. Что может быть хуже романов: «Три страны света», «Мертвое озеро», «Старый дом» — и других литературных спекуляций? Ничего. А ведь эти несчастные произведения, имеющие в виду одни практические цели, напечатаны в двух наших самых лучших, самых петербургских журналах. Да это бы ничего, что они там напечатаны: мало ли что теперь печатается в этих журналах; известно, что эти два журнала совершенствуются на пути жизни с неудержимой быстротой, так что мы надеемся, что в скором времени гг. Зряхов и Кузмичев примут в них деятельное и живое участие. Но странно то, что публика, вкус которой дошел было до такой утонченности и разборчивости, опять стала так непряхотлива, что позволяет печатать и с удовольствием читает пошлости, которые теперь ей предлагают. Впрочем, я нарочно сказал, что это странно, а в самом деле тут нет ничего странного. Петербургские журналы *теперь* издаются не для той публики, для которой исключительно *было* стали писать русские писатели. Помянутые журналы смекнули, что писать только для избранной публики невыгодно, что если они будут писать только для нее, то у них мало будет подписчиков. И вот они принялись за создания разных романов на манер Александра Дюма. Да ведь оно и легче, и дешевле: такого рода произведения может делать в свободное время сама редакция.

Каждый благомыслящий и благонамеренный человек, поразмыслив о русской журналистике, может предложить себе или кому-нибудь другому следующий вопрос: отчего у нас посредством пародий беспощадно глумятся над стихотворениями часто очень даровитых поэтов, между тем как несносные повести г. Буткова, г. Зотова, гг. Станицкого и Некрасова проходят безнаказанно? Ответ прост: наши критики поступили в услужение к публике и всеми средствами стараются угодить ей. Они не хотят направлять и очищать ее вкуса: они потакают и льстят ему. Вкус большинства, толпы они взяли за нормальный и преследуют все то, что не нравится толпе. Толпе гораздо больше нравятся *«Три страны света»*, чем стихотворения гг. Щербины и Мея; и немудрено: такие произведения, как *«Три страны света»*, действуют только на самые грубые чувства человека и доставляют человеку только чувственное наслаждение: поэтому они доступны каждому. Но для того чтоб сочувствовать стихотворениям Щербины и Мея, надо иметь развитое эстетическое чувство, надо сохранить в себе душевную чистоту и свежесть, вследствие которой человек быстро поддается впечатлениям от художественных произведений. Этой-то чистоты душевной, этой свежести и нет в большинстве публики, этой-то свежести и чистоты душевой уже нет в редакторах и критиках, обольщенных похвалами и сочувствием толпы и избалованных мирскими благами и благоприобретениями. У них сильно испорчен вкус: им только могут нравиться литературные пряности и их несколько не оскорбляют произведения гг. Некрасова и Станицкого, Буткова, Зотова и других корифеев нашей наконец уже созревшей литературы.

Как же мне быть при таких обстоятельствах? Как мне высказать свое поэтическое дарование? Напечатать несколько стихотворений? Конечно, это легко сделать, но зато каковы будут последствия?

Всем известно, что на берегах Невы издается журнал *«Современник»*. Трудолобивая и образованная редакция наполняет свой журнал очень серьезными и дельными статьями. Почти каждый месяц он выказывает какую-нибудь новую сторону своих познаний и своей литературной добросовестности. Так, недавно, напечатав статью г. Милютина, она выказала необыкновенное знание польского языка, а вскоре после того в споре с *«Отечественными записками»* обнаружила познание и языка английского...

Такие прекрасные черты редакции *«Современника»* постоянно ободряются и поощряются публикой, выписывающей его в большом количестве экземпляров. Но самая достопочтенная и достойная поощрения черта редакции *«Современника»* заключается в той ненависти, которую она выражает к поэзии. Выражение этой ненависти редакция *«Современника»* возложила на Нового Поэта. От его странного имени она преследует посредством пародий не только русских второстепенных поэтов, но даже Гейне, не только Гейне, но даже Лермонтова, не только Лермонтова, но даже самого Пушкина. Вы удивляетесь? вы не верите? вам кажется диким, что какие-нибудь производители пустых стишков и петербургских фельетонов осмеливаются оскорблять тень великого поэта? О, не удивляйтесь! теперь на Пушкина смотрят совсем другими глазами, чем прежде. Авторитет Пушкина если не уничтожен, то, по крайней мере, сильно заподозрен. В некоторых журналах поговаривали, что многие, даже лучшие, стихотворения Пушкина стали несовременны, что Пушкин ниже Гоголя, что он уступает Лермонтову, потому что не решает, подобно ему, общественных вопросов. Этого мало: некто Иногородный Подписчик очень наивно и верно назвал творца Евгения Онегина *«поэтом далеко не безукоризненным»*. Кроме того, г. Милюков в своем *«Очерке истории русской поэзии»* изъявил радость, что Пушкин умер: по его мнению, Пушкин был бы очень несчастлив, если б дожил до нашего времени, — *«он был бы как мертвец между живыми»*, потому что

еще при жизни отстал от века. Это мнение г. Милюкова, равно как и вся его книга, было одобрено петербургскими журналами. Мы, с своей стороны, также его одобряем. В самом деле, что бы было с бедным Пушкиным, если б он остался в живых? Еще в 1836 г. он отстал от века и современных вопросов, а ведь с тех пор общество ушло еще дальше в деле мысли. Сравните статьи Пушкина, написанные в последнее время его жизни, с статьями гг. Галахова, Ста одного, с брошюрой г. Милюкова и с другими произведениями новейшей критики, и вы увидите, какая между ними разница, и подумаете, что между вышеисчисленными господами и Пушкиным протекает более трехсот лет. Такие быстрые успехи сделали в последнее время наука и искусство!

Итак, я вам уже сказал, что Новый Поэт *завлекается* писать пародии на Пушкина и Лермонтова. Я, право, не знаю, чем объяснить такие странные поступки со стороны редакции «Современника». Я было объяснил вам их тем, что подобная редакция преследует стихи вообще; но только я хотел это написать, как вдруг вспомнил, что Новый Поэт написал однажды пародию и на одного прозаика, именно на Гоголя. Из этого, пожалуй, можно заключить, что Новый Поэт преследует своими пародиями не всех поэтов-стихотворцев, а всех хороших писателей. Помните ли вы то величественное место в «Мертвых душах», где так патетически обращается Гоголь к России и, вполне сознавая ту великую роль, которую он играет в деле народного сознания, восклицает: «Русь, Русь!.. чего ты хочешь от меня?.. Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?»

Помните ли вы, когда тот же Гоголь, истерзанный душевными муками, подавленный тяжестью возложенных им на себя вопросов, в своей «Переписке с друзьями» торжественно кается в своих недостатках и слабостях и говорит, что книга его есть личная потребность очищения. Кажется, не совсем бы было добросовестно смеяться над этими двумя фразами. Но Новый Поэт смеется надо всем. Поэтому он слил воедино оба изречения Гоголя, которые мы здесь выписали, и составил из них следующую пародию:

В груди моей и буря, и смятенье.
Святым восторгом вечно движим я, —
Внимает мне Россия с умилением.
Чего же, Русь, ты хочешь от меня?
Зачем с таким невиданным волненьем
Не сводишь ты с меня своих очей?
О Русь, о Русь, с немим благоговеньем
Чего же ждешь ты от моих речей?..
Иль чувствуешь, что слово вдохновенья
В устах моих, пылающих огнем,
Есть личная потребность очищенья,
И потому такая сила в нем!

Новый Поэт

Как вам нравится эта циническая выходка Нового Поэта? Так неучтиво у нас обращаются с великими писателями.

Итак, вы видите, что жестоко достается корифеям нашей литературы? Чего ж после этого ожидать мне? Как после этого мне решиться напечатать свои стихотворения?! А мне очень хочется их напечатать. Как же мне быть? — Вот как: попробую напечатать несколько пародий. Это единственный род, который допускается современной журналистикой; ибо журналистика сама занимается составлением пародий; последнее обстоятельство очень понятно: из всех родов поэзии этот род самый легкий и безопасный. Вы, верно, согласитесь с моим

тезисом, если прочтете те немногие строки, в которых я выражу мое мнение о пародиях вообще. Главнейшее, истинно-дельное назначение пародий — высказать недостатки того стихотворения, которое пародируется. Пародия должна сместить *только* указаниями на недостатки того произведения, которое она изображает в карикатуре. Такова добросовестная и дельная пародия, и такие пародии писать довольно трудно. Но у нас пародии пишутся совсем иначе. Наши пародии смешат не указанием на недостатки стихотворений, но собственными неловкостями, не имеющими в характере своем ничего общего с стихотворениями, которые осмеивают. Такие пародии писать очень легко, по крайней мере, легче, чем написать стихотворение от себя: если вы напишете от себя стихотворение, то должны будете отвечать за каждый стих: если какой-нибудь стих окажется неловким и смешным, вы не можете сказать, что это сделали умышленно; а случись такое обстоятельство с пародией, вы можете отговориться: скажете, что — это *нарочно* — и все будут смеяться и восхищаться вашим произведением. Пародия должна быть непременно лучше того стихотворения, на которое она написана. Вам, верно, случалось видеть, как иные, одаренные от природы способностью передразнивать, изображают в карикатуре игру плохих актеров. Разумеется, чтобы хорошо изобразить недостатки чьей-нибудь игры, надо иметь более сценического таланта, чем имеет его тот, чью игру вы изображаете. — Есть еще род пародий, который владевает в нашей литературе, но его я изображу ниже посредством примеров и выписок. Теперь позвольте мне вам представить мои слабые опыты в этом роде стихотворных произведений. Не будьте к ним слишком строги и при чтении их имейте постоянно в виду, что это первый опыт. Но чтоб вы яснее видели, какое место могут занять мои пародии между отечественными упражнениями по этой части, я буду их постоянно ставить в параллель с произведениями Нового Поэта, который справедливо почитается *gran maestro*¹ в этом искусстве.

Помните ли вы прекрасное стихотворение Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно...», которое я здесь на всякий случай выписываю:

Они любили друг друга так долго и нежно,
С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной;
Но, как враги, избегали признанья и встречи,
И были пусты и хладны их краткие речи.

Они расстались в безмолвном и гордом страданье
И милый образ во сне лишь порою видали;
И смерть пришла; наступило за гробом свиданье —
Но в мире новом друг друга они не узнали.

Это превосходное стихотворение Новый Поэт пародировал следующим образом:

В один трактир они оба ходили прилежно
И пили с отвагой и страстью безумно-мятежной.
Враждебно кончались их бильярдные встречи,
И были дики и буйны их пьяные речи.
Сражались они меж собой, как враги и злодеи,
И даже во сне всё друг с другом играли —
И вдруг подрались, — хозяин прогнал их в три шеи,
Но в новом трактире друг друга они не узнали.

¹ Великим мастером, виртуозом (*итал.*).

Что хотел сказать Новый Поэт этой пародией? Неужели он хотел выказать недостатки стихотворения Лермонтова? Если так, то надо сознаться, что это ему не удалось. Если вы хотите изобразить в карикатуре чью-нибудь физиономию, то должны поставить на вид все резкое этой физиономии, все, чем она отличается от других: тогда это будет карикатура. Но ежели вы, желая изобразить кого-нибудь в карикатуре, нарисуете какое-нибудь глупое и уродливое лицо, не имеющее с ним никакого сходства, и к этому лицу приделаете какое-нибудь туловище, облеченное в платье того человека, которого хотите осмеять, то неужели это выйдет карикатура? Ежели так, то, повторяю, пародии писать очень легко, — и, в доказательство этого тезиса, предлагаю на суд публики пародию собственного сочинения на одно, тоже превосходное стихотворение Лермонтова.

Вот это стихотворение:

На светские цепи,
На блеск упоительный бала
Цветущие степи
Украины она променяла,

Но юга родного
На ней сохранилась примета
Среди ледяного,
Среди беспощадного света.

Как ночи Украины,
В мерцании звезд незакатных, —
Исполнены тайны
Слова ее уст ароматных.

Прозрачны и сини,
Как небо тех стран, ее глазки;
Как ветер пустыни
И нежат, и жгут ее ласки;

И зреющей сливы
Румянец на щеках пушистых,
И солнца отливы
Играют в кудрях золотистых.

И, следуя строго
Печальной отчизны примеру,
В надежду на Бога
Хранит она детскую веру.

Как племя родное,
У чуждых опоры не просит,
И в гордом покое
Насмешку и зло переносит;

От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.

М. Лермонтов

Что может быть грациознее, благоуханнее этого стихотворения? Но вот моя пародия на него:

* * *

На сан полового
(Увы!) променять он решился
Вид края родного
И избу, в которой родился.

Но с тайной тоскою
Глядит он на жизнь городскую —
Стремится душою
В губернию все Костромскую.

И края родного
На нем сохранились знаки:
Без юмора злого
Не может глядеть он на фраки;

Откупорив пробку,
На водку он, бедный, не просит
И волосы в скобку
И бороду длинную носит;

Неделю проводит,
Предавшись трактирным заботам,
Но париться ходит
Он в баню всегда по субботам;

Пьет водку он редко,
Зато уж когда он напьется, —
Ругается метко
И сильно и больно дерется.

В нем мало задора
Откроешь неопытным глазом:
Ударит нескоро,
Зато пришибет тебя разом.

Э. Благоднравов

У Пушкина есть следующее стихотворение:

Миг вожденный настал, окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный,
Плату приявший свою, чуждый работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

В конце 1 главы «Евгения Онегина» тот же Пушкин сказал:

Ступай же к невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань.

Эти четыре стиха Новый Поэт очень искусно слил с вышевыписанным стихотворением и составил следующую пародию:

Дивно! сердце не все тоска обуяла, когда
С милым фантазии чадом пришлось расставаться.
Долго тебя я голубил в мечте, как святыню;
Много с тобою бессонных ночей проводил я сам-друг;
Читал, перечитывал снова — и купно с друзьями
Звуками, мной порожденными, всласть упивался.
Бедное чадо мое! ныне идешь ты на суд кривотолков.
Мужайся! искусство для них не искусство — игрушка.
Взором бесстыдным своим люди тебя оскорбят,
Но прекрасного участь (поверь мне) всегда на земле такова!

Новый Поэт

Какой тяжелый стих, какая неуклюжесть оборотов! Этак и я могу распародировать любое стихотворение Пушкина. Для примера напишу пародию на следующую его пьесу:

Романс

Пред испанкой благородной
Двое витязей стоят,
Оба смело и свободно
В очи прямо ей глядят.

Блещут оба красотою,
Оба сердцем горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.

Жизни им она дороже
И, как слава, им мила,
Но один ей мил — кого же
Дева сердцем избрала?

«Кто, реши, любим тобою?» —
Оба деве говорят
И с надеждой молодою
В очи прямо ей глядят.

А. Пушкин

Вот моя пародия на это стихотворение:

Ариетта

Перед франтиком столичным
Два извозчика стоят.
Оба в пафосе обычном,
Оба везть его хотят,

Оба рядятся с Неглинной
На Устретенку в Грачи
Довезти за пять-алтынный,
Оба с виду лихачи.

Оба молоды и свежи,
Оба ростом высоки,
Оба с полостью медвежьей,
У обоих рысаки.

Оба только на почине,
Оба мигом долетят.
По какой же злой причине
Не садится гордый фат?
Э. Благоврагов

Не правда ли, читатель, что моя пародия очень мила? Но вы, кажется, ею оскорбляетесь, вам кажется неприличным, что я противопоставил двум прекрасным юношам, горящим пылкой любовью к благородной испанке, двух извозчиков, завлекающих патетической речью московского дэнди. Вы оскорбляетесь, читатель, но что же вы не оскорблялись тогда, когда г. Некрасов написал пародию на «Баюшки-баю» Лермонтова и поместил ее в изданном им «Петербургском сборнике». Но вы, может быть, не помните этой пародии? извольте, я вам напомним... Но чтобы вы яснее видели, где больше неприличия, в моей ли пародии на романс Пушкина или в пародии г. издателя «Современника» на песню Лермонтова, — выпишу и эту песню.

Казачья колыбельная песня

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой — старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.
Сам узнаешь, — будет время, —
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.
Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь

Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.
Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь перед собой;
Да, готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

М. Лермонтов

Колыбельная песня
(Подражание Лермонтову)

Спи, пострел! пока безвредный,
Баюшки-баю.
Тускло смотрит месяц медный
В колыбель твою.
Стану сказывать не сказки —
Правду пропою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
По губернии раздался
Всем отрадный клик:
Твой отец под суд попался —
Явных тьма улик!
Но отец твой, плут известный,
Знает роль свою.
Спи, пострел, покуда честный!
Баюшки-баю.
Подрастешь — и мир крещеный
Скоро сам поймешь,
Купишь фрак темно-зеленый
И перо возьмешь.
Скажешь: «Я благонамерен,
За добро стою!»
Спи — твой путь грядущий верен!
Баюшки-баю.
Будешь ты чиновник с виду
И подлец душой,
Провожать тебя я выду —
И махну рукой!
В день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою.
Спи, пострел, пока невинный!
Баюшки-баю.
Тих и кроток, как овечка,
И крепонек лбом,
До хорошего местечка
Доползешь ужом,
И охулки не положишь
На руку свою.
Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю.
Купишь дом многоэтажной,
Схватишь крупный чин

И вдруг станешь барин важный,
Русский дворянин.
Заживешь — и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою...
Спи, чиновник мой прекрасный.
Баюшки-баю.

Н. Некрасов

Ежели г. Некрасов позволил себе написать подражание Лермонтову в таком приличном тоне, то да позволено же будет и мне написать в том же тоне подражание и самому г. Некрасову. Со страхом и трепетом приступаю к этому подвигу и выписываю следующее стихотворение:

Если, мучимый страстью мятежной,
Позабылся ревнивый твой друг
И в душе твоей кроткой и нежной,
Злое чувство проснулося вдруг, —
Все, что вызвано словом ревнивым,
Все, что подняло бурю в груди,
Переполнена гневом правдивым,
Беспощадно ему возврати.
Отвечай негодующим взором,
Оправдания и слезы осмей,
Порази его жгучим укором —
Всю до капли досаду излей!

Не когда, отдохнув от волненья,
Ты поймешь его грустный недуг
И дождется минуты прощенья
Твой безумный, но любящий друг —
Позабудь неповинное слово
И упреком своим не буди
Угрызений мучительных снова
У воскресшего друга в груди!
Верь: обидный порыв подозренья
Без того ему много принес
Полных муки, тревог, сожаленья
И раскаянья позднего слез...

Н. Некрасов.

Вот мое слабое подражание г. Некрасову:

Если кроткий, как вол, в трезвом виде,
Во хмелю не покоен твой друг
И, придравшись к пустячной обиде,
Он тебя по лицу хватит вдруг, —

Всем, что в руки тебе попадетсЯ,
Поскорее в него запусти:
Он сробеет, притихнет, уймется;
Тут ты водку вели унести.

Если водки просить еще будет,
Ни полрюмки ему не давай,
И скажи, что детей перебудит:
«Спать, мол, старый невежа, ступай!»

Но когда на другой день проспится
И, вчерашнее вспомнивши вдруг,
Прибежит пред тобой извиниться
Твой, хоть пьющий, но любящий друг, —

Ни рассказом, ни темным намеком
О вчерашнем его не тревожь,
Ни укором, ни робким упреком
Нестерпимых страданий не множь.

Твой упрек для него хуже будки...
На твоих он наказан глазах
Тошнотой, страшной болью в желудке
И трясем в руках и ногах.

Э. Благодрав

У Нового Поэта есть еще манера пародировать: иногда он пародирует так, что у его пародии нет ничего общего с стихотворением, на которое оно написано, не включая даже и размера стиха. Например, как вам нравится это стихотворение?

Я здесь, Инезилья,
Стою под окном;
Объята Севилья
И мраком, и сном.

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном.

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу.
Проснется ли старой?
Мечом уложу.

Шелковые петли
К окошку привесь...
Что медлишь? уж нет ли
Соперника здесь?

Я здесь, Инезилья,
Стою под окном.
Объята Севилья
И мраком, и сном.

А. Пушкин

Вот еще другое прекрасное стихотворение Пушкина в этом же роде:

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит, бежит Гвадалквивир.
Вот взошла луна золотая...
Тише! чу!.. гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.
Ночной зефир, и проч.
Скинь мантилью, ангел милый,

И явись как яркий день;
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!..
Ночной зефир, и проч.

Новый Поэт слил эти два стихотворения и написал следующую пародию:

Серенада

В томной неге утопая,
Сладострастия полна,
Лунным светом облитая,
Вот Севилья, вот она!

Упоительно-прекрасен
И вкушая сладкий мир,
Вот он блещет, горд и ясен,
Голубой Гвадалквивир. —

Близ порфировых ступеней,
Над заснувшею водой,
Там, где две сплелись сирени,
Андалузец молодой. —

Шляпа с длинными полями,
Плащ закинут на плечо,
Две морщины над бровями,
Взор сверкает горячо. —

Под плащом его гитара
И кинжал, надежный друг;
В мыслях только донья Клара...
Чу!.. и вдруг гитары звук...

С первым звуком у балкона
Промелькнула будто тень;
То она, в тени лимона,
Хороша, как ясный день!

То она!.. И он трепещет,
Звуки льет, как соловей,
Заливается и мечет
Огнь и пламень из очей.

Донья внемлет в упоенье,
Ей отратно и легко,
В этих звуках, в этом пенье
Все так бурно-глубоко!

Под покровом темной ночи,
Песни пламенной в ответ,
Потупляя скромно очи,
Донья бросила букет. —

В томной неге утопая,
Сладострастия полна,
Лунным светом облитая,
Вот Севилья, вот она!

Новый Поэт

Общего между стихотворениями Пушкина и произведением Нового Поэта только следующее: все они серенады; у Пушкина описывается испанец, поющий перед окном испанки, и у Нового Поэта описывается испанец, поющий перед окном испанки; у Пушкина упоминается о гитаре, и у Нового Поэта упоминается о гитаре; у Пушкина упоминается о Гвадалquivире, и у Нового Поэта говорится об этой реке; у Пушкина Севилья, и у Нового Поэта Севилья; у Пушкина сказано: *чу!* — и у Нового Поэта сказано: *чу!*

Желательно бы знать, с какой целью написана эта пародия. Недостатков выписанных мной стихотворений Пушкина она не раскрывает. Правда, она очень бесцветна, водяна и местами шероховата по стиху, но ведь Пушкин в этом несколько не виноват: оба его стихотворения представляют образчик гладкости, блеску и рельефности образов.

Постараюсь сделать подражание Новому Поэту. Возьму два из самых лучших стихотворений Пушкина, *солью* их, — и сделаю пародию вроде «*Серенады*» Нового Поэта.

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем,
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

А. Пушкин

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
Волнениям любви безумно предаваться!
Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться;
Нет, полно мне любить! Но почему ж порой
Не погружусь я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное создание,
Пройдет и скроется? Ужель не можно мне,
Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцем ей желать все блага жизни сей,
Веселый мир души, беспечные досуги,
Все — даже счастье того, кто избран ей,
Кто милой деве даст название супруги?

А. Пушкин

Давно я вас люблю, живу и движусь вами,
Бесплодной страстию давно томится грудь,
Но никогда ничем — ни взглядом, ни словами —
Я вам не смел об этом намекнуть:

Моя любовь, мои горячие признанья
Вам душу робкую расстроят и смутят;
Больной моей души безумные страданья
Болезнью тяжкою вам душу заразят;

В себе, страданиям моим в вознагражденье
Любовь насильно вы решитесь возбудить

Ко мне. Но не хочу любви из сожаленья!
Я знаю: вы меня не можете любить.

К чему искать любви мне вашей, к вам стремиться?
Душе безгрешной и простой
Не полюбить меня, вовеки не сродниться
С душой преступною, суровой и больной.

Напрасно к вам любовь я, как змею, лелею,
Напрасно мне она томит и сушит грудь:
Я знаю, что вы век не будете моею,
Что я без вас пройду печальный жизни путь.

Когда стоите вы, как ангел, предо мною,
С глазами, полными и мира, и огня,
Я говорю в душе с ревнивою тоскою:
«Ах, этот цвет цветет не для меня!!!»

.....

Всех этих мук любви, всей этой блажи, дури
Дай бог, дай бог вблизи нам не видать
И по театру лишь да по литературе
Их в отвлеченном виде знать.

Когда же и для вас придет пора желаний
И сладких грез, волнующих нам кровь, —
Пускай, как благодать святая, без страданий,
В вас тихим пламенем затеплится любовь...

Но... Ах!.. признайтесь мне (я тайны не нарушу)...
Быть может, уж пора любви для вас пришла?!
Быть может, милую и родственную душу
Едва расцветшая душа уже нашла...

О, если вами *он* любим и вас достоин
И может вас любить, ценить и понимать, —
Я радуюсь за вас... я счастлив... я спокоен...
Я буду ваш союз всегда благословлять.

Э. Благодрагов

Я сказал, что выписанная мною пародия Нового Поэта отличается бесцветностью, водянистостью и шероховатостью стиха; этими же самыми достоинствами отличается и моя пародия.

Но довольно пародировать Пушкина. Пародировать очень легко. Оттого можно не только пародировать стихи Пушкина и Лермонтова, но даже творения самого г. Некрасова. Г. Некрасов написал следующее, в высшей степени грациозное, как по идее, так и по выполнению, стихотворение:

Буря

Не любил я ни грома, ни бури,
И боялся, когда по лазури,
Разрушенье и гибель тая,
Пробежит золотая змея.
Да вчера молодая соседка
Мне сказала: «В саду есть беседка —

Как стемнеет, туда приходи!»
Расходилоя сердце в груди!
Я не знал, как я ночи дождуся,
Вдруг гляжу и поверить боюся:
Обложилось небо кругом,
Блещет молния — буря и гром!
Проклиная докучную бурю
Пуще прежнего брови я хмурю
И в беседку тоскуя иду,
Что соседки я там не найду:
«Ведь она и робка, и ленива —
В бурю выйти ей из дому диво,
И не верит, что счастье мое —
Целый мир исходить для нее!
Ах, люби она столько же страстно,
Не казалась бы буря опасна,
Не казалась бы ночь ей темна,
Да настолько ли любит она?..»
Без надежды вхожу я в беседку,
Озираюсь — и вижу соседку!
«Я боялась, что ты не придешь».
Не хочу, да и слов не найдешь
Передать эти жаркие речи,
Эту радость условленной встречи...
«Оба, друг мой, боялися мы,
Но не грома, не бури, не тьмы:
Пусть там буря ревет нестерпимо,
Наша туча промчалася мимо,
Наше счастье тихо цветет,
Наше сердце любовью живет...»
Я сушил ее мокрые ножки.
И чем ярче блистали окошки,
Озаряясь мгновенным лучом,
И чем больше пугал ее гром,
Тем, любви ее веря сильнее,
Наслаждался и жил я полнее,
И блаженной какой тишиной
Веял бури пронзительной вой
В эту темную ночь надо мной...
Не боюсь теперь грома и бури,
И когда по румяной лазури
Пробежит золотая змея,
Не робею, а радуюсь я...

Н. Некрасов.

Вот моя пародия:

Кофей

Я сначала терпеть не мог кофей,
И когда человек мой Прокофий
По утрам с ним являлся к жене,
То всегда тошно делалось мне.

Больше чувствовал склонность я к чаю,
Но записочку раз получаю:
«Завтра утром приди, милой мой —
Вместе кофе пить будем с тобой».

Вмиг всю ложность и все затрудненья
Я постиг своего положенья.
Но закон для меня *billet doux*² —
На свидание к милой иду.

Я дорогой дрожу весь заране,
Прихожу. Что ж? Она на диване
Перед столиком чайным сидит —
На спирту сама кофей варит.

Я не ждал такой дивной картины!
Опустили мы мигом гардины,
Чтоб чей злой и насмешливый глаз
Не заметил бы с улицы нас...

Опишу ли весь пыл упоенья!
Все, что может себе в услажденье,
Когда время свободное есть,
На просторе любовь избобреть, —

Все тогда с нею мы испытали. —
О, с каким наслажденьем глотали
Жирный кофей мы после того:
Чашек десять я выпил его.

Она выпила тоже немало
И, прощаясь, мне нежно сказала:
«Друг мой милый, до этого дня
Не любила ведь кофейю я. —

Я его с отвращеньем варила,
Но себя той надеждою льстила,
Что охотник до кофейю ты, —
И сбылось предвещанье мечты,

Но чего и в мечтах мне не снилось,
То со мною внезапно случилось:
Прежде кофей я в рот не брала,
А теперь с наслажденьем пила!»

«Он мне тоже всегда был противен
(Я сказал ей в ответ). О, как дивен
Волканический пламень страстей:
Он привычки меняет людей».

С той поры полюбил я и кофей.
Весьма часто, когда мой Прокофий
По утрам с ним приходит к жене,
Я кричу: «Дай, брат, чашку и мне».

Э. Благоврагов.

Но вы, может быть, скажете, что уж это стихотворение г. Некрасова чересчур плохо и что потому его легко пародировать. Правда, что неуклюжее этого стихотворения едва ли можно что-нибудь найти: оно несравненно хуже всех стихотворений, которые

² Любовная записка (*франц.*).

пародировались в «Современнике». Но возьмем два лучшие стихотворения г. Некрасова и, несмотря на всю их прелесть, постараемся сделать на каждое по пародии.

Пьяница

Жизнь в трезвом положении
Куда нехороша!
В томительном борении
Сама с собой душа,
А ум в тоске мучительной...
И хочется тогда
То славы соблазнительной,
То страсти, то труда.
Все та же хата бедная —
Становится бедней,
И мать — старуха бледная —
Еще бледней, бледней.
Запуганный, задавленный,
С поникшей головой,
Идешь, как обесславленный,
Гнушаясь сам собой;
Сгораешь злобой тайною...
На скудный твой наряд,
С усмешкой неслучайною
Все, кажется, глядят.
Все, что во сне мерещится,
Как будто бы назло
В глаза вот так и мечется,
Роскошно и светло!
Все — повод к искушению,
Все дразнит, и томит,
И руку к преступлению
Нетвердую манит...
Ах, если б часть ничтожную!
Старушку б полечить,
Сестрам бы не роскошную
Обновку подарить!
Стряхнуть ярмо тяжелого,
Гнетущего труда, —
Быть может, буйну голову
Сносил бы я тогда!
Покинув путь губительный,
Нашел бы путь иной
И в труд иной — свежительный —
Поник бы всей душой.
Но тьма отвсюду черная
Навстречу бедняку...
Одна открыта торная
Дорога к кабаку.

Н. Некрасов.

Что может быть энергичнее этого стихотворения и по содержанию, и по выполнению? А ведь у меня и на него есть пародия. Читайте:

Пропойца

Когда в кабак за водкою
Мне не на что послать,
Когда сухою глоткою

Рок злобный проклиная,
Молить о сожалении
Нет больше сил во мне,
Все лучшие движения
Как будто в мертвом сне.
Пылаешь тайной злобою,
Сгораешь от стыда —
И собственной особою
Гнушаешься тогда.
На бороду небритую,
На прорванный халат
И на щеку разбитую
Все, кажется, глядят;
Крещенским грозным холодом
Мне веет от людей;
Живот подводит голодом,
Душа полна страстей,
Миг каждый представляется
Мне случай впасть в порок:
То мне в глаза кидается
Фуляровый платок,
Прельщаюсь то монетою,
То цепью золотой,
Тогда я вам советую
Присматривать за мной.
Все, что легко уносится,
Как можно дальше класть:
Все в руки так и просится,
Все хочется украсть;
Подобные стремления —
Я запросто скажу —
Нередко в исполнение
С успехом привожу.
Что делать? обстоятельства!..
Ах, если бы занять
На слово, без ручательства,
Целковых тридцать пять!..
Сюртук себе хоть старенький
На площади б купил
И детям: Соне с Варенькой —
По платьицу бы сшил,
Потешил бы для праздника,
Сводил бы в балаган,
Купил бы для проказника
Сережки барабан,
И матери б подарочки
Для виду хоть купил;
С друзьями бы по чарочке
Полынной пропустил...

—
Но деньгам, что случаются,
Дорога всем одна —
Все мигом отправляются
В питейный дом сполна.

Э. Благодравов.

Теперь мне остается составить пародию на самое лучшее произведение г. Некрасова, которое здесь следует:

Тройка

Что ты жадно глядишь на дорогу,
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Все лицо твоё вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За проезжею тройкой вослед?
На тебя, подбоченьясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных, как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровый дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и поприрадуешь вволю,
Будет жизнь и полна, и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За неяху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж привередник,
А свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной, и трудной
Отцветешь, не успевши рацвествь,
Погрузишься ты в сон непробудный:
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни, — появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, робкий испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу,
И за тройкой вослед не спеши,

И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки, —
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...

Н. Некрасов.

Вот моя пародия:

Журналистика

Что с тобой? ты дрожишь от волнения,
Пред тобою раскрытый журнал...
Знать, статью твоего сочиненья
Ты в печати впервой увидал!

Я с горячей слезой умиления
И сердечным участием гляжу
На твой трепет, восторг и волненье;
В положение твое я вхожу:

С юных лет полюбил ты словесность,
Упражнялся с любовью в ней,
С юных лет тебе снились известность
И открытия в сфере идей.

И к тому, что во сне только смели
Рисовать тебе робко мечты,
Наконец приступаешь на деле,
Как к великому таинству, ты.

Благородного сердца стремленье
С приговором сошлось судьбы:
Ты идешь на святое служенье,
На арену журнальной борьбы.

Воспевая высокие чувства,
Станешь правде учить ты людей,
Объяснишь им создания искусства
И откроешь мир новых идей;

Бичевать станешь смело пороки,
К исправленью сердца призывать
И облитые горечью строки,
Как перуны, в неправду метать.

На ученье твое отзовется
Много пылких и юных сердец,
И фортуна тебе улыбнется,
И сплетет тебе сердца венец.

Да не то тебе пало на долю:
Будет смертью тебе твой успех.

Эфемерным пресытятся успехом,
Вздернешь нос, охладеешь к труду,

И мирским весь отдашься утехам,
И толпы подчинишься суду;

И пред светских приличий законом
Будешь ты трепетать и неметь,
Будешь бредить комфортом и тоном, —
Размышлять, в какой час что надеть.

Дорогую наймешь ты квартиру,
С модным светом знакомство сведешь
(Залетишь ты в опасную сферу, —
Закружишься, — морально падешь).

И забудешь святое призванье,
От науки себя отдалишь,
И запустишь журнала издание,
И талант свой уронишь, заспишь.

И лица твоего выраженье
Жизнь такая как раз изменит:
Потеряет оно жизнь, движенье, —
Примет пошлый, натянутый вид.

Жизнь такая, такое веселье
Скоро, скоро приносят плоды!
Скука, светскость, дендизм и безделье
На лице оставляют следы.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты печальный свой путь,
На пирах истощенную силу,
Бдением иссушенную грудь.

Э. Благодравов.

Как вам нравится это стихотворение, Новый Поэт?

Прощайте, Новый Поэт! будьте счастливы! остаюсь истинно к вам расположен-
ный фаворит ваш

Эраст Благодравов

С. Добромислово, Благово тож
1851 года 8 июля

Впервые: М. 1851. № 19–20. С. 265–293. Без подписи. Цензурное разрешение — 15.10.1851. Цензор Д. С. Ржевский.

Переизд.: Алмазов. Т. 3. Первые три пародии на Некрасова также переизд.: Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.). Л., 1960 («Библиотека поэта». Большая серия).

Творческая история статьи раскрывается благодаря сопоставлению прижизненной публикации и посмертного переиздания в «Сочинениях» Алмазова и письма к Погодину (октябрь 1851 г.). В «Сочинениях» последний стихотворный текст в статье дополнен строками: «Понемногу своими статьями / Ты составишь себе капитал, — / И тогда, вступив в долю с друзьями, / Ты начнешь издавать сам журнал. // Потрудишься, напишешь в нем вволю! / Твой журнал будет дивом для всех...», помещенными вместо пустых строк в журнальном тексте. Строка «Бдением иссушенную грудь...» в авторском тексте Алмазова выглядела как «Коньяком иссушенную грудь...» (Барсуков. Кн. XI. С. 387). Причины этого пропуска изложены в письме Алмазова, негодующего на то, что цензор Д. С. Ржевский и Погодин вырезали из его стихотворения самые жесткие выражения, сделав статью удобным объектом для насмешек Нового Поэта (см.: РГБ. Ф. 231/II. Карт. 1. № 90. Л. 18–19; Барсуков. Кн. XI. С. 387–388). Пропущенный фрагмент был наиболее прямым намеком на объект сатирического изображения — Некрасова, издателя «Современника» и одного из главных оппонентов «молодой редакции». Вероятно, версия статьи до вмешательства Погодина была широко известна в литературных кругах. По крайней мере, отсылки к ней позже возникали в литературной полемике 1850-х гг. (см. ниже, с. 638). Именно эта версия стихотворения печатались во всех переизданиях.

Как и предыдущие фельетоны Алмазова, статья написана от лица одновременно обличающего и обличаемого героя, «пародической личности» (Ю. Н. Тынянов) Эраста Благонравова. Тон Благонравова колеблется от серьезного и возвышенного обличения литературных оппонентов, не соответствующих высокому идеалу истинного творчества, до нелепой речи близкого друга Пушкина. Помимо очевидных проекций на гоголевский образ Хлестакова (см.: Тимашова. С. 19; Зубков. С. 44), Эраст Благонравов в этом фельетоне может восприниматься и как своеобразное преломление литературного образа самого Гоголя. С одной стороны, герой фельетона Алмазова, как и Гоголь в полемике с «Библиотекой для чтения», выступает против циничных журналистов и защищает от них истинных писателей; с другой стороны, подчас сбивается на неуместную фамильярность, например, рассуждая о «покойном Пушкине», как и Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Когда я начал читать Пушкину первые главы из “Мертвых душ” в том виде, как они были прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачней, сумрачней, и наконец сделался совершенно мрачен» (Гоголь. Т. 8. С. 294; статья «Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”»). Аналогичен Благонравову и образ Пушкина, то явно «всерьез» жалующегося на непонимание критикой, то кажущегося пародией на поэта. Несмотря на свою иронию, Алмазов явно признаёт за поэтом право судить современных ему литераторов. Другим важным источником литературной позиции Алмазова служит статья С. П. Шевырева «Словесность и торговля» (Московский наблюдатель. 1835. № 1), а также и прочие полемические выступления Шевырева против «петербургской» журналистики. Шевырев видел истоки многих проблем современной русской литературы в том, что «Литератор есть уже капиталист, которого умственный капитал имеет еще ту выгоду, что не может никак подвергнуться вычислениям и временным условиям торгового баланса, — который вдруг, неожиданно, дает несбыточные проценты!» (Шевырев С. П. Избранные труды / Сост. К. В. Рясенцев, А. А. Ширинянц; вступ. ст. А. А. Ширинянца; коммент. М. К. Кирюшиной, К. В. Рясенцева, А. А. Ширинянца. М., 2010. С. 141). Алмазов фактически воспроизводит эти упреки, утверждая, что два «самых лучших, самых петербургских» журнала (с. 157) «вкус большинства, толпы <...> взяли за нормальный и преследуют все то, что не нравится толпе» (с. 158). Именно в связи с идеями Шевырева Алмазов постоянно обвиняет своих оппонентов в дешево им доставшейся популярности и роскоши, которая не дает им обратить внимания на серьезную литературу. Особенно прямо выражена эта идея в последнем стихотворении Эраста Благонравова, где именно роскошью объясняется

«падение» Некрасова, начинавшего как достойный литератор. В том же духе писал и Шевырев: «Положим еще, что первые наши романы явились не вследствие литературной спекуляции, а вследствие вдохновения писателей, хотя и подготовленного чтением иноземцев. — Но вызови на страшный суд совесть того писателя, которого первый роман, внушенный вдохновением честным и приготовленный долгим трудом, завоевал внимание публики! <...> Его насильственное второе, более насильственное третье и четвертое вдохновение не было ли плодом того безотчетного, но сладкого чувства, что роман теперь самая верная спекуляция?» (Шевырев С. П. Избранные труды. С. 136–137). Не менее показательно постоянное упоминание «избалованных мирскими благами и благоприобретениями» (с. 158) журналистов, служащих публике, «выписывающей его <журнал> в большом количестве экземпляров» (там же). Более того, «коммерческая» логика пародируется Пушкиным, который у Алмазова оценивает сочинения Эраста Благонравова, утверждая: «...твои правнуки напечатают их в большом количестве экземпляров...» (с. 156; ср. обсуждение тиражей в «Сне по случаю одной комедии» — наст. изд., с. 128). Фактически Алмазов был неправ: «Современник» в начале 1850-х гг. испытывал нехватку подписчиков, как и все русские журналы той эпохи (см., например: *Евгеньев-Максимов В. Е.* «Современник» в 40–50 гг.: От Белинского до Чернышевского. Л., 1934). Таким образом, общие литературные установки Алмазова развивают идеи Гоголя и Шевырева. В этом смысле Алмазов близок Григорьеву, в статье «Русская литература в 1851 году» опиравшемуся на те же источники. Позиция Алмазова подчеркнута — отчасти пародийно — архаична.

Ключевая тема статьи Алмазова — пародийное высмеивание современных ему журналистов и фельетонистов за неуважение к поэзии и постоянные насмешки над нею. В 1840-е гг. поэзия действительно была отодвинута на второй план в русской литературе: «Отзывы критиков 40-х годов <...> показывают, что наиболее значительными событиями в поэзии первой половины 40-х годов были посмертные публикации стихотворений Пушкина и Лермонтова. <...> Они воспринимались не как настоящее поэзии, а как ее новооткрытое прошлое, и свидетельствовали не о высоте, на которую поднялась русская поэзия, а о высоте, с которой она упала» (*Бухитаб Б. Я.* Русская поэзия 1840–1850-х годов // *Поэты 1840–1850-х годов.* Л., 1972. С. 9–10). Отодвинутая на периферию литературной системы, поэзия этого периода (за значимыми исключениями, конечно) преимущественно оставалась уделом дилетантов и графоманов.

Осознавая это положение вещей, Белинский в течение нескольких лет высказывал тезис о падении роли поэзии в современной русской литературе. Идеи Белинского относительно поэзии воспроизводились сотрудниками «Современника» и позже. Алмазов понимал, что негативное отношение его современников к поэзии восходит к идеям Белинского и утрированно воспроизвел некоторые его идеи, прозрачно намекнув на их авторство (см. ниже, с. 639). Единственным толстым журналом, постоянно помещавшим на своих страницах стихи, в конце 1840-х — начале 1850-х гг. был «Москвитянин». Стихи его сотрудников часто становились объектом насмешек со стороны Панаева (Нового Поэта). Так, в № 8 «Современника» за 1850 г. опубликована пародия Панаева на стихотворение Н. В. Берга, в будущем члена «молодой редакции», «Фанни Эльслер» (М. 1850. № 12). Именно подобные пародии, печатавшиеся под псевдонимом Новый Поэт, служат главным источником примеров для Алмазова. О слабостях современной русской поэзии Панаев писал и в фельетонах (см. об этом в коммент. к статье Алмазова «Сон по случаю одной комедии. Предупреждение», наст. изд., с. 602). При этом автор фельетона игнорирует прямые высказывания Панаева о его более сложном отношении к поэзии (см. ниже).

Сложнее, чем у Панаева, было отношение к современной поэзии А. В. Дружинина. Так, в 1849 г. он ехидно отзывался о публикациях множества стихотворений в «Москвитянине»: «Редакция справедливо полагает, что, наконец, найдется же между кучею размеренных строчек хоть одно порядочное произведение, и с этой целью гостеприимно принимает к себе всех поэтов» (*Дружинин.* Т. 6. С. 162–163; впервые: С. 1849. № 10; среди примеров плохих стихотворцев «Москвитянина» приведен Берг). Ср. отзыв о современной поэзии в целом: «Всякому известно, что в последние десять лет публика сделалась чрезвычайно холодна к стихотворениям, а критика, не ограничиваясь холодностью, с заметным удовольствием преследует и поэтов, и поэзию <...> хуже журнального стихотворения может быть в наше время одна только вещь — более длинное стихотворение...» (*Дружинин.* Т. 6. С. 169; впервые: С. 1849. № 11). В то же время Дружинин неоднократно выступал в защиту поэзии; ср., например: «Вообще история мнений, противных поэзии, может послужит поводом к довольно любопытному этюду. Есть много умных людей и даже женщин, бросающих всякую книгу, заключающую в себе стихи, хотя бы стихи поэта известного и прославленного. Некоторые даже усиливаются видеть в этом пренебрежении к поэзии нечто современное, новое, отзывающееся какою-то практичностью. Все это нисколько не ново, не практично и не современно: люди прославленные и знаменитые бывали заражены тою же слабостью; а корень той слабости заключается не в практичности взгляда, а в неспособности

к многосторонней восприимчивости, еще чаще в оскорбленном самолюбии» (*Дружинин*. Т. 6. С. 380; впервые: С. 1850. № 6). Так или иначе, статья Алмазова представляет собою высказывание на остро актуальную для своего времени тему о состоянии русской поэзии. Основной метод полемики Алмазова — пародирование, направленное при этом на стихотворения Панаева и Некрасова, которые Алмазов называет пародиями на сочинения Пушкина и Лермонтова. Алмазов справедливо отмечает отсутствие смехового начала в сочинениях Нового Поэта (см.: *Тынянов Ю. Н.* О пародии // *Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино*. М., 1977. С. 287–288), однако игнорирует, — скорее всего, намеренно — тот факт, что стихотворения Панаева имели целью высмеивание эпигонов-подражателей, а не крупных поэтов последних десятилетий. Между тем Григорьев еще в 1847 г. осознал реальную направленность пародий Панаева, определив их как «презлые и преметкие пародии на некоторых из борзописцев» (*Московский городской листок*. 1847. № 52. 5 мар.). Речь шла именно о пародиях из № 1 «Современника» за 1847 г. вызвавших резкие отзывы Алмазова в комментируемой статье. Чтобы оправдать свой полемический пафос, Алмазов развивает своеобразную «теорию пародии». Рассуждая о специфике этого жанра, критик воспроизводит общие места литературной теории своего времени, однако вносит значимые уточнения. Еще Н. Ф. Остолопов утверждал, что у пародии может быть три цели: «...иногда она выставляет на позор подверженное осмеянию; иногда выказывает ложные красоты какого-либо сочинения; открывает глаза автору, ослепленному самолюбием и лестью, и чрез то способствует к его исправлению; иногда же служит к одному только увеселению читателя, ибо случается, что пародируемое сочинение не имеет таких недостатков, кои бы заслуживали малейшее порицание...» (*Остолопов Н. Ф.* Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Ч. 2. С. 342). Алмазов фактически ограничивает все пародии второй целью, сводя их к оружию литературной полемики. Это соответствует и его установкам в настоящей статье, и общим принципам «молодой редакции», согласно которой в мир высокого, истинного искусства пародия может войти лишь тогда, когда обретет некую, хотя бы сугубо полемическую, цель, связывающую ее с развитием этого искусства. Алмазов как пародии воспринимает даже «перепевы» Некрасова, направленные против лермонтовской литературной традиции (см.: *Бухштаб Б. Я.* Сатирическая поэзия Некрасова 1840–1850-х годов // *Бухштаб Б. Я.* Некрасов: Статьи и исследования. Л., 1989. С. 228). Пародированию подвергаются и те сочинения Некрасова, которые Алмазов ценит высоко. Таким образом, речь идет не о тех или иных неудачных пародиях, а о литературной позиции редакции «Современника» и др. «петербургских» журналов, чуждой, по Алмазову, подлинного искусства и высокой поэзии. Сочинения Эраста Благодарова служат средством выразить кризис в развитии русского стиха. При всей полемической заостренности, статья Алмазова выражает этот кризис, а литературная маска Эраста Благодарова, увязанная с комической стиховой манерой, становится одним из предвестников начинавшего формироваться в то же время образа Козьмы Прутков.

«Стихотворения Эраста Благодарова» вызвали недовольство министра народного просвещения П. А. Ширинского-Шихматова, объявившего выговор цензору Д. С. Ржевскому за пропуск в печать стихотворения Некрасова «Колыбельная песня», включенного в текст статьи Алмазова (см.: *Барсуков*. Кн. XI. С. 388–389). С. П. Шевырев в письме к Погодину высоко оценил пародии Благодарова: «*«Современник»* резан» (Там же. С. 389).

Статья Алмазова представляет собою эпизод в полемике «Современника» и «Москвитянина», разворачивавшейся в начале 1850-х гг. В «Современнике» (1851. № 1) была опубликована статья Панаева «Станный сон...», содержащая пародии на эпигонов Пушкина и Лермонтова (см. о полемике с нею Алмазова также коммент. к статье «Сон по случаю одной комедии. Предупреждение» — наст. изд., с. 601). Разбирая ее, Григорьев утверждал, что эти пародии «устремлены были и на произведения бездарности, и на произведения талантов — без различия — и не раз обличали в авторе их отсутствие эстетического такта. Они имели свою относительную пользу, обращенные на водяных подражателей Гейне...» (М. 1851. № 5. С. 83). Особенно задел критика пародии на Н. П. Огарева и А. А. Фета, которых Григорьев относил к наиболее перспективным русским поэтам (см. в наст. изд. его статью «Русская изящная литература в 1852 году»): «...многие из пародий, обращенных на стихотворения двух упомянутых нами поэтов, свидетельствовали только о грубости вкуса пародировавшего и возбуждали в людях с эстетическим тактом чувство довольно неприятное» (М. 1851. № 5. С. 84). Задевший упреками Григорьева, Панаев ответил ему заметкой «Несколько слов от Нового Поэта»: «*Новый Поэт* твердо убежден, что он точно обличил бы отсутствие эстетического такта и грубость вкуса, если бы вздумал писать пародии на произведения таких талантов, как Пушкин и Лермонтов, или на истинно-поэтические произведения и других, второстепенных поэтов. Такая нелепость никогда и не приходила ему в голову, потому что он слишком высоко ценит искусство и не позволит себе издеваться над ним. <...> Отыщите же хоть одну пародию Нового Поэта на произведения истинно поэтические» (С. 1851. № 4. Отд. VI. С. 224). Григорьев ответил в очередном обзоре «Современника», где заявил, что, вопреки словам

Панаева, «пародии его устремлены были часто на произведения истинно поэтические», и привел в пример «грязную пародию» «В один трактир они оба ходили прилежно...» (М. 1851. № 9. С. 202), которую цитирует и Алмазов (см. наст. изд., с. 160). Там же Григорьев подчеркнул, что сочинения Панаева и Дружинина (Чернокнижникова) носят одинаково пародийный характер (см.: М. 1851. № 9. С. 202–203). Статья Алмазова, таким образом, явилась средством доказать, что все стихотворения Нового Поэта и Некрасова, даже без воли их авторов, можно воспринимать как пародии на «истинно поэтические», то есть созданные в рамках позднеромантической литературной теории, произведения. Панаев, по всей видимости, был возмущен статьей Алмазова и ответил крайне резко: «...вдруг почудилось мне, что одно из самых ничтожных и мелких насекомых вползло ко мне на грудь и тщетно усиливало впускать свое жало в мое тело. <...> Насекомое, к моему удивлению, с бесстыдством уверяло меня, будто бы я пародировал Пушкина и Лермонтова, и начало передразнивать меня и коверкать мои пародии» (С. 1851. № 12. Отд. VI. С. 145–146; см. об этом эпизоде полемики: Зубков. С. 45–47). Панаеву ответил Григорьев, в статье «Русская литература в 1851 году» повторивший образ «насекомого» по отношению к собственным литературным оппонентам (см. наст. изд., с. 160).

С полемической репликой выступили и «Санкт-Петербургские ведомости»: в фельетоне «Письмо из Москвы» анонимный автор (подпись: Корреспондент) писал: «Не знаем, почему статья г. Благодурова произвела на нас самое неприятное и тяжелое впечатление. Потому ли, что она с начала до конца пропитана каким-то едким, злобным юмором в отношении ко всей журналистике и к большей части известных писателей и наполнена странными обвинениями против них, придуманных г. Благодуровым; потому ли, что во всей статье резко проглядывает молодость и незрелость в понятиях и суждениях, отсутствие всякой последовательности в собственных словах и поступках автора и какое-то детское желание уколоть кого ни попало; потому ли, наконец, что всякое подражание не имеет большею частью и половины достоинств подлинника даже и тогда, когда подлинник действительно стоит подражания» (1851. № 260. 18 нояб.). По мнению критика «Отечественных записок», статья Алмазова выражает «тайны самодовольной пошлой жизни, приключения, помыслы и чувства забавного самолюбия...» (ОЗ. 1851. № 11. Отд. VIII. С. 31). Видимо, сознательно игнорируя пародийную природу сочинений Алмазова, критик описал все признания героя стихотворений как характеристику самого Эраста Благодурова, причем подчас искажал его выражения (см.: Там же. С. 32). Эдельсон в ответ указал, что «Отечественные записки» «решились исказить дело» (М. 1851. № 23. С. 523), пояснив, «что все, что ни сказано в приведенной нами заметке — выдумка, что благородный и меланхолический тон ее — маска, надетая с целью, что г. Эраст Благодуров поместил не стихи, а статью с стихотворениями, что совершенно изменяет вопрос; что всех выписанных “Отечественными записками” мест нет в таком виде в статье г. Эраста Благодурова; что выставленные в заметке номера страниц поставлены только для приличия, ибо на выписанных страницах можно найти только некоторые слова или фразы, подобные приведенным quasi-выпискам, имеющие, впрочем, совсем другой смысл и значение» (Там же. С. 524). Согласен с ним был Дружинин, скептически оценивший подобные полемические приемы (см. его статью в наст. изд., с. 210). Сам Дружинин, впрочем, не во всем был согласен с Эрастом Благодуровым, однако стремился не опровергнуть его суждения, а использовать их в собственной эстетической системе, в центре которой стоял не идеал истинного искусства, а свобода от устоявшихся клише и способность иронично относиться к любым предвзятым теориям. Споры о «Стихотворениях Эраста Благодурова» помнились еще долго. Так, Григорьев упомянул о них в обзоре «Библиотеки для чтения», опубликованном в 1855 г.: «...пародии Эраста Благодурова своею меткостью уничтожили страсть к пародиям в самом корне...» (М. 1855. № 3. С. 119). На это ответил В. Р. Зотов, считавший Эраста Благодурова совершенно неизвестным автором: «...критик очень серьезно тоскует <вероятно, опеч>; следует читать “толкует”» о том, что меткие пародии какого-то Эраста Благодурова, о котором решительно никто не помнит, уничтожили страсть к пародиям в самом корне» (СПбВед. 1855. 15 апр. № 81). Между тем сам Панаев помнил о пародиях Благодурова. В конце 1855 г., отказываясь от фельетонных обзоров русской литературы, Панаев упомянул неких «петербургских фельетонистов», один из которых писал стихи, направленные против Нового Поэта: «Ты не писатель, нет! — ты франт, — / И пьешь стаканами коньяк!!» (С. 1855. № 12. Современные заметки. С. 246). И упреки во франтовстве, и упоминание коньяка (вероятно, доцензурная версия статьи, содержащая это выражение, была известна в литературных кругах) указывают на отсылку именно к Благодурову. Таким образом, статья Алмазова осталась для участников одним из самых ярких эпизодов литературной полемики начала 1850-х гг.

С. 156. В гармонии соперник мой ~ Иль шепот реки тихоструйной. — Цитата из стихотворения Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824, опубликовано 1825).

С. 156. ...большую поэму в описательном роде под заглавием «Путешественник по Испании, или Бой быков». — «Поэмы в описательном роде» (самый известный русский пример — «Сады, или Искусство украшать сельские виды» (1816) А. Ф. Воейкова, перевод поэмы Ж. Делиля) были абсолютно неактуальным жанром. С ними, очевидно, сопоставляются сочинения В. П. Боткина «Письма об Испании», предмет постоянной иронии Алмазова (см. наст. изд. статью «Сон по случаю одной комедии» и коммент. к ней, с. 619).

С. 156. ...она бы не говорила ~ моего уже созревшего гения. — Описание позиции критиков совершенно неточно. О падении таланта Пушкина в 1830-х неоднократно писал Н. И. Надеждин (см., например, его статью «Летописи отечественной литературы», 1832, где среди неудачных сочинений упоминаются сцены «Моцарт и Сальери» (1830, опубл. 1832): Пушкин в прижизненной критике. Т. 3. С. 190), схожие идеи высказывал и Белинский в статье «Литературные мечтания» (1834). Однако ни один из этих критиков не осуждал упомянутую Алмазовым трагедию «Борис Годунов» (1825; опубл. 1831) и сцены «Скупой рыцарь» (1830, опубл. 1836; ср. высокую оценку этого произведения в статье Алмазова «О поэзии Пушкина» (1858) — Алмазов. Т. 3. С. 318–319). Скорее, Алмазов описал условную точку зрения, противоположную позиции «молодой редакции», согласно которой «объективные» драматические сочинения Пушкина выше его «субъективных» ранних поэм «Кавказский пленник» (1822), «Бахчисарайский фонтан» (1824), «Руслан и Людмила» (1820) и «Братья-разбойники» (1822, опубл. 1825). Почти совпадающий список ранних произведений Пушкина, уступавших более зрелым и при этом якобы более популярным, приведен в статье Белинского «Русская литература в 1844 году» (см.: Белинский. Т. 7. С. 170–171).

С. 156. ...критика не осмелилась бы сказать, что я отстал от века. — См. ниже, с. 641.

С. 157. ...много поблекло и облетело лавровых венков, много терновых обратилось в лавровые, и обротно. — Русская критика постоянно иронизировала по поводу превознесений и развенчаний тех или иных авторов. Ср., например, в наст. изд. статью Григорьева «Русская литература в 1851 году» и коммент. к ней (с. 184, 656).

С. 157. Имя Диккенса прогремело по всей Европе... — Популярность Диккенса в 1840–1850-х гг. была огромна. Переводы его романов появлялись одновременно в разных журналах (см.: Чарльз Диккенс: Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. 1838–1960 / Сост. Ю. В. Фридендера и И. М. Катарского. М., 1962; Катарский И. М. Диккенс в России: Середина XIX в. М., 1966).

С. 157. ...вышел «Герой нашего времени» Лермонтова, вышли «Мертвые души» Гоголя, вышла хрестоматия г. Галахова... — Первая половина фразы почти повторяет высказывание Белинского из статьи «Русская литература в 1842 году»: «...1840 год был ознаменован выходом “Героя нашего времени” и первого собрания стихотворений Лермонтова; 1841 — изданием трех томов посмертных сочинений Пушкина; 1842 — выходом “Мертвых душ” — одного из тех капитальных произведений, которые составляют эпохи в литературах» (Белинский. Т. 5. С. 204). Эти произведения иронично поставлены Алмазовым в один ряд с «Полной русской хрестоматией» (1843) А. Д. Галахова. Будучи первым учебным пособием, куда включались сочинения современных русских писателей, хрестоматия Галахова до 1852 г. вышла пятью изданиями (см.: Скафтымов А. П. Преподование литературы в дореволюционной школе: (Сороковые и шестидесятые годы) // Уч. зап. Саратовского гос. пед. ин-та. Вып. III. Труды факультета языка и литературы. Саратов, 1938. С. 166–168; Вдовин А., Лейбов Р. Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX столетия // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: Русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту, 2013. С. 15–18). Высокая оценка Лермонтова и др. русских поэтов Галаховым вызвала пространную рецензию Шевырева, обвинившего составителя хрестоматии, редакцию «Отечественных записок» и их ведущего критика Белинского в поощрении «торгового» направления в словесности (М. 1843. № 5, 6). «Отечественные записки» ответили резкими статьями Галахова (№ 7, 9) и Белинского (№ 8; см. изложение полемики в воспоминаниях Галахова: Галахов А. Д. Записки человека / вступ. ст., сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой. М., 1999. С. 283–289). Вероятно, включение вышедшей хрестоматии в список исторических событий — ироничный намек на эту полемику. 5-е изд. «Хрестоматии» было встречено похвальной рецензией «Современника» (1852. № 2), восторженный тон которой вызвал насмешливый отзыв Филиппова (см.: М. 1852. № 5. Отд. V. С. 31). Анонимный сдержанный отзыв о хрестоматии, где подчеркивается вторичность даже коммент. Галахова к публикуемым им сочинениям, см.: М. 1851. № 8. С. 530–533 (подпись: Т.).

С. 157. ...открыто действие серного эфира, усыпляющего больного при операциях... — Эфирный наркоз был впервые применен в 1846 г., а уже 7 февраля 1847 г. эфир использовался для операций в клинике Московского университета (см.: Московский городской листок. 1847. № 47. 27 февр.). Русские газеты часто писали о различных испытаниях эфира.

С. 157. ...изобретена огнестрельная вата... — Речь идет о пироксилине, химические свойства которого исследовались в 1840-е гг.

С. 157. ...г. Боткин совершил, наконец, сам путешествие по Испании и описал его с большим чувством... — См. об отношении Алмазова к сочинениям Боткина в коммент. к статье «Сон по случаю одной комедии» (наст. изд., с. 619).

С. 157. ...вышла одна неслыханно замечательная статья, которая открывает совершенно новое и доказывает всем ученым, что они глубоко ошибались... — Вероятно, имеется в виду не конкретная статья, а публикации ученых сочинений в толстых журналах, рассчитанных на широкую публику (см. ниже о позиции редакции «Современника»).

С. 157. ...была всемирная выставка в Лондоне, о чем неоднократно извещали в «Московских ведомостях»... — Лондонская Великая выставка промышленных работ разных народов открылась 1 мая 1851 г. Предваряя открытие выставки, автор анонимной заметки в № 50 «Московских ведомостей» (26 апреля) восхищался техническими возможностями и вместительностью «храма промышленности и труда», способностью организаторов быстро находить максимально технологичные решения стоящих перед ними колоссальных задач. «Весьма естественно, что в земле, владеющей такими силами, вопросов трудных быть не может», — резюмировал журналист. В еще одной предваряющей заметке в № 52 (1 мая) излагалась история частных выставок, которые, «поощряя производителей к улучшению их произведений посредством могущественной силы соревнования, служат вместе с тем верным мерилom успехов промышленности в стране». Конспект программы открытия выставки сообщался в следующем, 53-м номере газеты (3 мая). Здесь говорилось о времени прибытия и маршруте королевы и ее окружения, порядке обращения к ней посланников и проч. Сообщалось также, что «английское правительство отнеслось к прусскому и французскому правительству с просьбою об отправлении в Лондон на время выставки опытных и сведущих полицейских чиновников для надзора за людьми предосудительными, которые в это лето могут собраться из разных земель». Репортаж об открытии выставки был опубликован в № 55 (8 мая). «Все полученные нами известия об открытии всемирной выставки единогласно свидетельствуют о необыкновенной торжественности, сопровождавшей эту церемонию, о необыкновенном восторге, которым было проникнуто все народонаселение Лондона 1-го мая. Со времени коронации Королевы не было подобного торжества в Англии». Большую часть этого сообщения составляют тексты обращения принца Альберта к королеве на церемонии открытия, в которой говорилось о невероятных масштабах и значении выставки, ответа королевы и молитвы архиепископа Кентерберийского. В следующем номере газеты (9 мая) был опубликован перевод «Истории хрустального дворца» «из Диккенсова журнала „Household Words“». Рубрика «Всемирная выставка в Лондоне» станет в газете постоянной вплоть до закрытия выставки.

С. 157. ...публика с удовольствием прочла ~ отличалась литературной нетерпимостью. — О романе Н. А. Некрасова и А. Я. Панаевой «Мертвое озеро» и отношении к нему «молодой редакции» см. статью Григорьева «Русская литература в 1851 году» и коммент. к ней (наст. изд., с. 183, 652–653). О романе В. Р. Зотова «Старый дом» см. коммент. к статье Эдельсона «„Отечественные записки“. 1851 год, № 2-й» (наст. изд., с. 588–589). Иронию Алмазова вызывает тот факт, что эти романы печатались в «Современнике» и «Отечественных записках», журналах, где сотрудничал Белинский, резко отрицательно оценивавший развлекательные романы-фельетоны — ср., например, в статье «Речь о критике...» А. Никитенко» (1842): «...читая повесть <...>, вы удивляетесь необыкновенному таланту рассказа, мастерской рисовке характеров, живости изложения; читаете ее с наслаждением и — забываете завтра же <...> Отчего это? — Оттого, что у этих людей нет ни взгляда на жизнь, ни кровных убеждений, составляющих верование души и сердца, ни доктрины, ни начал ...» (Белинский. Т. 5. С. 74).

С. 157. ...я, увлеченный примером одного русского поэта, чуть не напечатал собрание своих стихотворений... — Название «Собрание стихотворений» было нетипично для издания сочинения здравствующего автора. Единственный «свежий» для Алмазова пример такого заглавия — «Собрание стихотворений П. Витусова» (СПб., 1848).

С. 157. ...выражение «поэт» с некоторого времени употребляется нашими журналами как бранное слово. — Ирония по поводу «поэтов» ярко выражена в поздних статьях Белинского. Ср., например, в статье «Русская литература в 1845 году»: «Стихов теперь вообще мало печатается в журналах. Жалеть или радоваться? — Нам кажется, что это очень приятное явление. Писать стихи, даже порядочные, в наше время ничего не стоит, и в этом отношении «поэтов» у нас несметные легионы — тьмы тем. Но — увы! — их уже не печатают или мало печатают, потому что не читают» (Белинский. Т. 8. С. 20).

С. 157. Что может быть хуже романов: «Три страны света», «Мертвое озеро», «Старый дом»... — Первые два романа принадлежат Некрасову и Панаевой, третий — Зотову. О романе «Три страны света» см. коммент. к статье Григорьева «Русская литература в 1851 году» (наст. изд., с. 652). Об остальных романах см. выше.

С. 157. ...эти два журнала совершенствуются на пути жизни с неудержимой быстротой... — Ирония по поводу прогрессивистских воззрений на литературу, характерных для позднего Белинского и его последователей.

С. 157. ...гг. Зряхов и Кузмичев примут в них деятельное и живое участие. — Параллель романов Некрасова и Панаевой с сочинениями Зряхова проводил и Григорьев в статье «Русская литература в 1851 году» (см. наст. изд., с. 183). Федот Семенович Кузмичев (1799–1860?), автор массовых повестей и романов (самое известное сочинение — «Дочь разбойника, или Любовник в бочке», 1839, многократно переизд.), часто упоминаемый в критике как воплощение низовой словесности (см. подборку отзывов: Дубин Б. В., Рейтблат А. И. Кузмичев Федот Семенович // РП. Т. 3. С. 209; там же см. об упоминаниях у Григорьева). Ср. также сопоставление Кузмичева и пользовавшегося одиозной репутацией А. А. Орлова как писателей для «сидельцев» в обозрении «Библиотеки для чтения» (М. 1851. № 7. С. 409; автор — Филиппов); ср. также наст. изд., с. 85.

С. 157. ...они принялись за создания разных романов на манер Александра Дюма. — Об отношении «молодой редакции» к романам Дюма см. коммент. к статье Григорьева «Русская литература в 1851 году» (наст. изд., с. 652).

С. 157. ...такого рода произведения может делать в свободное время сама редакция. — Вероятно, Алмазов знал, что «Три страны света» и «Мертвое озеро» действительно сочинялись сотрудниками редакции «Современника».

С. 158. ...несносные повести г. Буткова, г. Зотова, гг. Станицкого и Некрасова проходят безнаказанно. — Об отношении «молодой редакции» к Я. П. Буткову см. коммент. к статье Григорьева «Русская литература в 1851 году» (наст. изд., с. 647, 663). Станицкий — псевд. А. Я. Панаевой; о ее сочинениях, как и о сочинениях Зотова и Некрасова см. выше.

С. 158. ...стихотворения гг. Щербины и Мея... — Об эволюции отношения «молодой редакции» к сочинениям Н. Ф. Щербины см. в наст. изд. коммент. к статье Григорьева «Русская литература в 1851 году» (с. 655). Об отношении «молодой редакции» к Мею см. в наст. изд. коммент. к статье Григорьева «Русская изящная литература в 1852 году» (с. 721–722).

С. 158. ...других корифеев нашей наконец уже созревшей, литературы. — Почти дословная цитата из первой статьи (1843) из цикла Белинского «Сочинения Александра Пушкина». Ср.: «Исключительные поклонники Пушкина <...> резко отделяются от нового поколения своею закоснелостью и своею тупостью в деле разумения сменивших Пушкина корифеев русской литературы» (Белинский. Т. 6. С. 75). Выражение «созревшая» также намекает на Белинского, утверждавшего, что благодаря творчеству Гоголя и представителей натуральной школы рус. литература стала «вполне национальною, русскою, оригинальною и самобытною, <...> выражением и зеркалом русского общества» (Белинский. Т. 8. С. 16; статья «Русская литература в 1845 году»).

С. 158. ...напечатав статью г. Милютин, она выказала необыкновенное знание польского языка... — В статье Владимира Алексеевича Милютина (1826–1855) «Обзор дипломатических сношений Древней России с Римскою империею. Статья первая» (С. 1851. № 7) действительно идет речь о переговорах России с Польшей, однако вся работа основана на русских опубликованных источниках (Милютин ссылается на изд.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851 Т. 1). Рассматривая работу, Григорьев упомянул, что Милютин неверно перевел польское слово «жадный» (см.: М. 1851. № 15. С. 350).

С. 158. ...в споре с «Отечественными записками» обнаружила познание и языка английского. — См. об этом эпизоде в наст. изд. коммент. к статье Григорьева «Русская литература в 1851 году» (с. 649–650).

С. 158. ...она преследует посредством пародий не только русских второстепенных поэтов, но даже Гейне... — Вероятно, имеется в виду стихотворение Нового Поэта «Requiem» (С. 1847. № 1), пародирующее русских подражателей Гейне.

С. 158. В некоторых журналах поговаривали ~ общественных вопросов. — В преувеличенном виде пересказаны идеи Белинского. В первой статье из цикла «Сочинения Александра Пушкина» (1843) Белинский писал: «Равен ли по силе таланта или еще и выше Пушкина был Лермонтов — не в том вопрос: несомненно только, что, даже и не будучи выше Пушкина, Лермонтов призван был выразить собою и удовлетворить своею поэзиею несравненно высшее, по своим требованиям и своему характеру, время, чем то, которого выражением была поэзия Пушкина» (Белинский. Т. 6. С. 79). Ср. также оценку Гоголя в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года»: «Он ничего не смягчает, не украшает вследствие любви к идеалам или каких-нибудь заранее принятых идей, или привычных пристрастий, как, например, Пушкин в “Онегине” идеализировал помещицкий быт» (Белинский. Т. 8. С. 351).

С. 158. ...Иногородный Подписчик очень наивно и верно назвал творца Евгения Онегина «п о э т о м далеко не безукоризненным». — Цитата из фельетона Дружинина, писавшего: «Поэт “Кавказского пленника” — поэт далеко не безукоризненный...» (Дружинин. Т. 6. С. 525; впервы: С. 1851. № 3; ср. возмущение Григорьева снисходительным тоном Дружинина: М. 1851. № 7.

С. 423). Вопреки Алмазову, Дружинин иронизировал не над Пушкиным, а над его мелочными литературными оппонентами, в первую очередь над Ф. В. Булгариным.

С. 158–159. ...*г. Миллюков в своем «Очерке истории русской поэзии» — еще при жизни отстал от века.* — В «Очерке истории русской поэзии» (1847) Александр Петрович Миллюков (1817/1816–1897), упрощая и доводя до предела некоторые идеи Белинского, писал о позднем творчестве Пушкина: «Общество скоро поняло, что любимый поэт оставил его, что народные радости и печали не находят уже в нем горячего сочувствия и даже встречают холодное презрение. Тогда публика, в свою очередь, по невольному инстинкту оставила поэта <...> смерть избавила его от печальной необходимости видеть себя живым мертвецом посреди того общества, которое прежде рукоплескало каждому его слову» (Миллюков А. Очерк истории русской поэзии. СПб., 1847. С. 186). Этот разлад между поэтом и обществом Миллюков объяснял тем, что Пушкин был «только безусловным художником» и не мог выразить «те интересы и потребности, которые таятся в настоящем обществе» (Там же. С. 181).

С. 159. *Это мнение г. Миллюкова, равно как и вся его книга, было одобрено петербургскими журналами.* — Вероятно, имеется в виду пространная рецензия «Современника», автор которой (И. И. Введенский) противопоставил Миллюкова прочим историкам литературы (в том числе Шевыреву) на том основании, что Миллюков «современен, он сочувствует новейшим интересам, у него есть взгляд...» (С. 1847. № 10. Отд. III. С. 88). Автор рецензии обратил особенное внимание на то, что суждения Миллюкова «могли бы показаться даже слишком смелыми, если б в русской литературе не существовало <...> журнальных статей <Белинского>, в которых <...> говорилось то же самое, только последовательнее и доказательнее...» (Там же. С. 100–101). Характеристика Миллюковым Пушкина, Лермонтова и Гоголя, по мнению Введенского, — «дельная по взгляду, но слишком краткая и бедная фактами...» (Там же. С. 103). По словам критика «Отечественных записок», «нельзя не благодарить» Миллюкова за его сочинения (ОЗ. 1847. № 10. Отд. VI. С. 65), причем развитие Миллюковым идей прогресса в литературе и обществе выделялось как особое достоинство его книги (см.: Там же. С. 70–72). Рецензент «Библиотеки для чтения», перечислив некоторые недостатки сочинений Миллюкова, отметил в нем «жар, энтузиазм, изящное слово в критике» (БдЧ. 1848. № 2. Отд. VI. С. 36).

С. 159. *Сравните статьи Пушкина ~ с другими произведениями новейшей критики...* — Издательское сопоставление Алмазова призвано подчеркнуть слабость современной литературной критики. О его отношении к сочинениям Галахова (псевдоним: Сто один) см. статью «Сон по случаю одной комедии. Предупреждение» и коммент. к ней (наст. изд., с. 102).

С. 159. *«Русь, Русь!... ~ полные ожидания очи?»* — Неточная цитата из «Мертвых душ» (1842, гл. 11). У Гоголя: «Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?..» (Гоголь. ПССиП. Т. 7. Кн. 1. С. 208).

С. 159. ...*Гоголь, истерзанный душевными муками ~ личная потребность очищения.* — Неточный пересказ авторского предисловия к «Выбранным местам из переписки с друзьями» (1846).

С. 159. *В груди моей и буря и смятенье ~ И потому такая сила в нем!* — Цитируется стихотворение Панаева (Нового Поэта), опублик. в «Современнике» (1847. № 12; курсив Панаева). Анализ литературной позиции Панаева, выразившейся в пародии на Гоголя, см.: *Виноградов В. В.* Этюды о стиле Гоголя // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976. С. 325–326.

С. 160. ...*инные, одаренные от природы способностью передразнивать, изображают в карикатуре игру плохих актеров.* — Возможно, намек на какого-то реального человека, близкого «молодой редакции». Речь, например, может идти об И. Ф. Горбунове, еще не поступившем на сцену, но уже известном своими сценками и монологами комического содержания. Горбунов был знаком с Островским и кругом «молодой редакции» по меньшей мере с 1849 г. (см.: Г. П. Ш. <Шереметев П. С.> Материалы для биографии // Горбунов И. Ф. Соч. СПб., 1907. Т. III. Ч. 1–4. С. 514).

С. 160. ...*gran maestro...* — Очевидно, ироническое обозначение для литератора.

С. 160. *Они любили друг друга так долго и нежно ~ Но в мире новом друг друга они не узнали.* — Цитируется стихотворение Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно...» (1843).

С. 160. *В один трактир они оба ходили прилежно ~ Но в новом трактире друг друга они не узнали.* — Цитируется стихотворение Некрасова «В один трактир они оба ходили прилежно...», опублик. под псевдонимом «Новый Поэт» (С. 1847. № 4).

С. 161. *На светские цепи ~ Зато не разлюбят уж даром.* — Цитируется стихотворение Лермонтова «На светские цепи...» (1842; совр. изд. также под назв. «М. А. Шербаковой»). Вторая строка цитируется с повторением опечатки первой публикации, позднее исправленной по рукописи: вместо «утомительный» — «употительный».

С. 162. ...*И волосы в скобку / И бороду длинную носит...* — Прическа и нестриженная борода свидетельствуют о том, что герой стихотворения сохраняет крестьянские привычки.

С. 162. *Миг вожделенный настал, окончен мой труд многолетний ~ Друга Авроры златой, друга пестрых святых?* — Цитируется стихотворение Пушкина «Труд» (1831).

С. 162. *Ступай же к невским берегам ~ Кривые толки, шум и брань.* — Неточно цитируется строфа LX гл. 1 (1824) романа в стихах «Евгений Онегин» (у Пушкина — «Иди же к невским берегам...»).

С. 163. *Дивно! сердце не все тоска обуяла, когда ~ Но прекрасного участь (поверь мне) всегда на земле такова!* — Неточная цитата из пародийного произведения Нового Поэта (Панаева) «Два отрывка из драматической поэмы “Доменико Фети, или Непризнанный гений”» (С. 1847. № 1), пародирующего сочинения Н. В. Кукольника.

С. 163. *Пред испанкой благородной ~ В очи прямо ей глядят...* — Неточно цитируется стихотворение Пушкина «Пред испанкой благородной...» (1830; опублик. 1841 под заглавием «Романс»). У Пушкина не «Двое витязей стоят...», а «Двое рыцарей стоят...»; строфическое членение графически не выражено.

С. 163. *Ариетта.* — Алмазов пользуется обозначением небольшой арии (ср. употребление названия музыкальной формы в стихотворении «Романс» выше), которое контрастирует с подчеркнутым «прозаичным» содержанием его пародии.

С. 163. ...с Неглинной / На Устретенку в Грачи... — Герой стихотворения едет с Неглинного проезда, находившегося на месте р. Неглинной, на Сретенку, то есть из центра города в бедный район, где преимущественно жили небогатые купцы, мещане и проч. Это подчеркивает, что «гордый фат» отнюдь не относится к аристократии.

С. 163. *Оба с полостью медвежьей...* — Покрывало для ног седока («полость») из медведя, видимо, служит знаком respeitability извозчика.

С. 164. ...в изданном им «П е т е р б у р г с к о м с б о р н и к е». — «Петербургский сборник» (СПб., 1846) был предметом литературной полемики. Для «молодой редакции» значима была отрицательная рецензия Шевырева на сборник (см. в наст. изд. коммент. к статье Григорьева «Русская литература в 1851 году», наст. изд., с. 663).

С. 164–165. *Спи, младенец мой прекрасный ~ Баюшки-баю.* — Цитируется стихотворение Лермонтова «Казачья колыбельная песня» (1840). У Лермонтова строфическое членение графически не выражено.

С. 165–166. *Спи, пострел! пока безвредный ~ Баюшки-баю.* — Цитируется стихотворение Некрасова «Колыбельная песня» (1845, опублик. 1846).

С. 166. *Если, мучимый страстью мятежной ~ И раскаянья позднего слез...* — С неточностями цитируется стихотворение Некрасова «Если мучимый страстью мятежной...» (1847). У Некрасова вместо «Позабудь неповинное слово...» — «Позабудь ненавистное слово...».

С. 167. *Я здесь, Инезилья ~ И мраком и сном.* — С неточностями цитируется стихотворение Пушкина «Я здесь, Инезилья...» (1830).

С. 167–168. *Ночной зефир ~ Ночной зефир, и проч.* — Цитируется стихотворение Пушкина «Ночной зефир» (1827) с измененным членением на строки и строфы.

С. 168. *В томной неге утопая ~ Вот Севилья, вот она!* — С неточностями цитируется стихотворение Панаева «В томной неге утопая...» (С. 1847. № 1).

С. 169. *Я вас любил: любовь еще, быть может ~ Как дай вам Бог любимой быть другим.* — Цитируется стихотворение Пушкина «Я вас любил: любовь еще, быть может...» (1829).

С. 169. *Нет, нет, не должен я, не смею, не могу ~ Кто милой деве даст название супруги?* — Цитируется стихотворение Пушкина «К ***» (1832, опублик. 1838). После строки «Пройдет и скроется? Ужель не можно мне...» в современных изданиях печатается строка «Любуясь девою в печальном сладострастье...», отсутствовавшая в первых публикациях.

С. 170–171. *Не любил я ни грома, ни бури ~ Не робею, а радуюсь я...* — С неточностями цитируется первоначальная редакция стихотворения Некрасова «Буря» (С. 1850. № 9).

С. 173. *Жизнь в трезвом положении ~ Дорога к кабаку.* — Цитируется стихотворение Некрасова «Пьяница» (1845; опублик. в «Петербургском сборнике»).

С. 174. *Фуляровый платок.* — Платки из легкой шелковой ткани (фуляра) были в моде, стоили недешево и потому могли быть целью вора.

С. 174. ...по чарочке / Полынной... — Чарка (примерно 120 г.) полынной настойки — типичный атрибут пьяницы из простонародья в русской литературе XIX в.

С. 175–176. *Что ты жадно глядишь на дорогу ~ Мчится вихрем корнет молодой...* — С неточностями цитируется стихотворение Некрасова «Тройка» (С. 1847. № 1).

С. 177. *Будешь бредить комфортом и тоном...* — Намек на «светские» интересы редакции «Современника». Подробнее о подобных обвинениях см. в наст. изд. коммент. к статье Григорьева «Русская литература в 1851 году» (с. 645–646, 660).

С. 177. *С. Добромыслово, Благово тож.* — Указание поместья автора, вероятно, пародирует созданный в фельетонах Дружининим образ Иногородного Подписчика — обитающего в собственном имении любителя русской литературы.